

(В свете археологических и нумизматических данных)

Так, в ходе раскопок выяснилось, что буддийские храмовые комплексы Каратепе, сооруженные, скорее всего, в царствование знаменитого кушанского царя Каннишки, в какой-то момент были заброшены или подверглись преднамеренному разгрому, причем ко времени этого разгрома или запустения относится замена в парадной нише одного из храмовых дворов (комплекс Б) стоявшей здесь первоначально буддийской статуи алтарем огня. Этот алтарь был сооружен наспех из сырцового кирпича, не в центре ниши, а несколько ближе к ее южной стене и к тому же поверх тонкого слоя наносного песка и упавшей сверху штукатурки. Внутри алтаря при раскопках найдена

² Основные публикации: Материалы совместной археологической экспедиции (организаций Министерства культуры СССР) 1961—1971 гг. на Кара-тепе; 1) сб. «Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе», М., 1964; 2) сб. «Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе», М., 1969; 3) сб. «Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе», М., 1972 (в печати).

чистая зола без угольков, костей или иных примесей, характерных для хозяйственных очагов³.

Эта находка заставляет вспомнить слова верховного жреца и реформатора сасанидского зороастризма Картира, который в своих наскальных надписях похвалялся тем, что всюду, «куда кони и люди царя царей дошли», он, Картир, и его маги утвердили, «маздаенскийскую» веру. В тех же надписях рассказывается, как осуществлялось это утверждение веры: «И иудеи, и буддийские жрецы, и брамины, и назареи, и христиане... были разбиты, а изображения (их) богов разрушены и капища *дэвов* были уничтожены и в храмы (зороастрийских) богов превращены». «Благодаря мне, — писал Картир, — многие огни и маги по всей стране... до Пешавера стали процветающими». «Многие храмы огня, — значится далее, — были основаны»⁴.

Вряд ли мы вправе утверждать, как это делает проф. Янош Харматта⁵, что превращенные в храмы огня «капища *дэвов*», упомянутые в надписи Картира, это и есть пещерные храмы Кара-тепе. Но то, что выяснилось на Кара-тепе, действительно может служить иллюстрацией «деятельности» сасанидских властей в захваченных ими буддийских (и иных) культовых сооружениях, тем более что у нас есть основания связывать запустение или разгром кара-тепинских буддийских храмов и попытку их преобразования в храм огня с появлением здесь, в ближайшем пригороде кушанского Термеза, сасанидского отряда.

Эти основания — открытые в храме II-II, примыкающем к двору комплекса Б, среднеперсидские граффити. Эти надписи находились среди других — индийских и особенно многочисленных бактрийских, оставленных посетителями уже покинутых буддийских построек. Среднеперсидских надписей здесь всего две, причем обе они весьма лаконичны⁶. Первая состоит из двух слов — имени и титула («Зик» (?), *дабира*), вторая — из цифры «60» или «61» и окончания какого-то слова: «.....тукку» (от имени «Тирак») или, что кажется менее вероятным, «.....tywku» (от возможного названия Термеза «Антиохия»). Первая надпись фиксирует посещение Кара-тепе *дабиром*, т. е. секретарем военачальника или правителя пограничной области, очевидно сопровождавшим сасанидский отряд. Вторая — содержит дату посещения Кара-тепе неким Тираком (возможно, сасанидским солдатом), относящуюся к тому же (или примерно тому же) времени, что и надпись *дабира*. Определение этой даты пока еще спорно. Так, В. Б. Хеннинг и В. Г. Луконин предполагали, что надпись может датироваться либо по сасанидской «царской официальной эре», начинавшейся в 204/205 г. (по В. Б. Хеннингу) или 208/209 г. (по В. Г. Луконину) н. э., либо по годам царствования сасанидского шахиншаха Шапура II, правившего с 309 по 379 г. н. э. При этом В. Б. Хеннинг склонялся в пользу первого, а В. Г. Луконин — в пользу второго предположения. Я. Харматта предлагает несколько иную трактовку и датировку (286 г. н. э.) этой надписи⁷. Иными словами, датировка этой надписи, сделанной, когда храм II-II был уже заброшен, колеблется между 264/265, 286 и 369/370 гг. н. э. Окончательное решение этого вопроса, видимо, еще впереди. Но как бы то ни было, среднеперсидские граффити из Кара-тепе — это яркие эпиграфические свидетельства присутствия здесь, на правобережье Амударьи, сасанидских официальных лиц и, очевидно, солдат. Вполне естественно предполагать, что с их появлением здесь в 60-х (или 80-х) годах III в. н. э. или около 370 г. следует связывать запустение или разгром кара-тепинских буддийских храмовых комплексов и сооружение алтаря огня.

Устанавливая, что Сасаниды в 60—80-х годах III или IV в. н. э. овладели районом Термеза, мы не могли бы из одного этого делать вывод о прочном закреплении здесь их

³ Подробнее см. Б. Я. Ставицкий, Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг., сб. «Буддийский культовый центр Кара-тепе...», стр. 27.

⁴ См. В. Г. Луконин, Культура сасанидского Ирана, М., 1969, стр. 87 сл.

⁵ См. J. Harmatta, The Bactrian Wall-inscriptions from Kara Tere, сб. «Буддийские пещеры Кара-тепе...», стр. 121 сл.

⁶ См. В. Г. Луконин, Среднеперсидские надписи на Кара-тепе, сб. «Буддийские пещеры Кара-тепе...», стр. 40—46. См. также Ставицкий, Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1963—1964 гг., там же, стр. 25—26.

⁷ Harmatta, ук. соч., стр. 125.

власти. Предполагать последнее позволяют другие данные, также полученные в основном в ходе исследования Кара-тепе.

Еще в начале изучения советскими археологами Термеза и Кара-тепе (в конце 20—30-х годов) местные жители рассказывали, что здесь некогда погибло мучительной смертью множество людей, и объясняли странное на первый взгляд название светло-желтого песчаного возвышения — Кара-тепе («Черный холм») как напоминание об этой трагедии: «черный» связывается в данном случае не с цветом холма, а с его зловещей, страшной («черной») историей⁸.

Действительно, уже при разведочных раскопках Кара-тепе в 1937 г. и в первые годы работ нашей экспедиции здесь постоянно встречались многочисленные человеческие кости и даже отдельные костяки. Их находили в слое надувного песка и завала, и определить, как они туда попали, долгое время не представлялось возможным. Наконец, в 1969—1970 гг. при раскопках южного обходного коридора храма II-II и центрального святилища соседнего пещерного храма II-I посчастливилось обнаружить относительно хорошо сохранившиеся участки этого слоя, образовавшегося уже после запустения Кара-тепе. Так, в частности, выяснилось, что храм II-II (во дворе которого открыт алтарь огня, а в коридорах — граффити посетителей) после его разгрома (или запустения) и недолгого функционирования алтаря огня какое-то время стоял заброшенным. В это время, когда стены его покинутых помещений стали своеобразной «книгой посетителей», надувной песок, обломки штукатурки и обвалившиеся куски стен и перекрытия скапливались как во дворе, так и в пещерной части храма, причем этот слой завала у входа в южный коридор храма II-II достигал толщины 60 см. И вот тогда-то, после временного запустения, помещения Кара-тепе вновь были использованы жителями Старого Термеза: на сей раз они послужили местом единовременных (или очень близких по времени) массовых захоронений. Только во входной части южного коридора II-II в то время было захоронено (поверх слоя завала) более десятка человек — стариков и детей, мужчин и женщин⁹. Особенно выразительная картина открылась в святилище храма II-I, где погребенные лежали штабелем, один на другом, в два, а то и в три ряда. Как правило, погребенные были аккуратно положены на спину, в одежде, с личными украшениями — кольцами, браслетами, серьгами, бусами, в сопровождении керамических сосудов. После того как эти захоронения были совершены, входы в пещерные храмы замуровали, и доступ в них стал возможен лишь в X—XII вв. через проломы, образовавшиеся в местах стыков сводчатых коридоров (позднее, после разгрома Термеза в 1220 г. отрядами Чингисхана, они снова были засыпаны надувным песком).

Дата этих захоронений может быть установлена достаточно точно, поскольку в сопроводительном инвентаре погребенных в святилище храма II-I оказались 26 мелких медных монет, 10 из которых определены как чекан сасанидского кушаншаха, т. е. владетеля завоеванных кушанских земель, Варахрана (I), а остальные по размеру и весу, скорее всего, принадлежат этому же чекану¹⁰. Правление кушаншаха Варахрана (I) определяется теперь с точностью до 30 лет: по хронологии А. Д. Х. Бивара правление Варахрана (I) заканчивается в 50-х годах IV в.¹¹, по Р. Гёблю он правил в промежутке между 356—371 гг.¹², по В. Г. Луконову — в 384—389 гг.¹³.

⁸ Е. Г. Пчелица, Начало работ по обследованию буддийского монастыря Кара-тепе в Термезе, сб. «Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь...», стр. 85.

⁹ Определение пола и возраста погребенных и исследование их останков проводились палеопатологом З. Б. Альтманом. Его статья «Антропологические и палеопатологические исследования останков людей в пещерах Кара-тепе» печатается в сб. «Буддийский культовый центр Кара-тепе...», стр. 104 слл.

¹⁰ Монеты определены В. Г. Луконовым. Подготовленный им совместно с Е. В. Зеймалем список определенных монет из раскопок Кара-тепе 1961—1971 гг. публикуется в сб. «Буддийский культовый центр Кара-тепе...» стр. 101 слл.

¹¹ См. «Central Asia», ed. by C. H. A. M. B. u., L., 1970, стр. 51 сл.

¹² G ö b l, ук. соч., II, стр. 318.

¹³ Л у к о н о в, Кушано-сасанидские монеты, стр. 30 сл.

Находки вместе с захоронениями на Кара-тепе относительно большого числа мелких медных монет кушаншаха Варахрана (I) дают право говорить о вхождении района Термеза в состав сасанидских владений. Можно также предполагать, что Термез, а возможно, и более значительная часть Правобережного Тохаристана находились под властью Сасанидов со времени захвата этих территорий, о чем речь уже шла выше.

Еще одним вещественным свидетельством сасанидского владычества в Правобережном Тохаристане может, вероятно, служить небольшая постройка, раскопанная ташкентскими археологами Л. И. Альбаумом и Т. Агзамходжаевым в 18 км к северу от Термеза. Эта постройка имела центральную (по-видимому, купольную) комнату и четыре выхода наружу¹⁴. По своему устройству эта постройка, позднее использованная, как и Кара-тепе, для групповых захоронений, первоначально¹⁵ вполне могла быть *чортаком*, возведенным при Сасанидах здесь, на высоком холме, близ древнего пути¹⁶.

Было бы заманчиво связать массовые захоронения в заброшенных помещениях Кара-тепе и других памятниках под Термезом с захватом этого района хионитами или эфталтами. Однако отсутствие на костных останках погребенных каких-либо следов насильственной смерти заставляет признать, как это предлагает З. Б. Альтман, более вероятной причиной какое-то острое эпидемическое заболевание¹⁷. Но тем не менее есть основания предполагать, что власть Сасанидов в Тохаристане, в том числе и на правобережье Аму-дарьи, приходила к концу именно в это время.

Вспомним в связи с этим, что Р. Гёбль относил прекращение выпуска всех серий кушано-сасанидских монет к середине 80-х годов IV в.¹⁸, а А. Д. Х. Бивар — даже к 360 г.¹⁹ Правда, В. Г. Луконин после кушаншаха Варахрана (I) помещает еще одного кушано-сасанидского правителя с тем же именем и, пытаясь связать его чекан с сасанидо-кушанскими монетами Хормизда (450—457 гг.) и Пероза (457—459 гг.), растягивает правление этого Варахрана (II) от 389 до 430 г.²⁰ Однако убедительная в основных своих положениях хронология кушано-сасанидских правителей, предложенная В. Г. Лукониным, как раз по данному вопросу вызывает сомнения. Учитывая все типологические связи монет Варахрана (II), можно предположить, что последний правил до Варахрана (I), или же отнессти выпуск этих монет к чекану того же правителя²¹. К тому же нет никаких оснований связывать воедино правление кушано-сасанидских государей до Варахрана включительно с сасанидскими правителями 50-х годов V в. Как это убедительно показал Б. И. Маршак, сасанидскому шахиншаху Ездигерду II (438—457 гг.) пришлось вновь завоевывать эти земли, потерянные задолго до 40-х годов V в.²²

Когда и в связи с какими событиями произошло отпадение от сасанидского Ирана бывших земель кушанской Бактрии, позволяют выяснить нумизматические материалы. Анализ этих материалов показывает, что в конце царствования в Иране Шапура III (383—388 гг.) или эпохи Варахрана IV (388—399 гг.) на территории бывшей кушанской Бактрии начинается чеканка кидаритских и хионитских монет.

¹⁴ Л. И. Альбаум, Т. Агзамходжаев, Позднекушанское погребальное сооружение под Термезом, «Общественные науки в Узбекистане», 1968, № 8, стр. 56 слл.

¹⁵ На то, что эта постройка, использованная как склеп, первоначально имела иное назначение, указывал уже А. М. Мандельштам, его рецензию см. в СА, 1970, № 4, стр. 258.

¹⁶ О *чортаках* см., например, L. Vanden Berghе, Nouvelles decouvertes de monuments du feu d'époque Sassanide, «Iranica Antiqua», Leiden, V, 2, 1965, стр. 128—147 (особенно см. табл. XL, 2—3).

¹⁷ См. Альтман, ук. соч., стр. 109.

¹⁸ G ö b l, ук. соч., I, стр. 24 сл.; II, стр. 47 сл.

¹⁹ «Central Asia», стр. 51 сл.

²⁰ Луконин, Кушано-сасанидские монеты, стр. 30 сл. А. Д. Х. Бивар также выделяет Варахрана II, относя его правление ко времени до 360 г.

²¹ См. серии I, II, III кушано-сасанидских монет Варахрана, выделяемые Р. Гёблем (том III, табл. 34). Подробнее см. Б. И. Вайнберг, Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV—V вв. (в связи с запустением Кара-тепе), сб. «Буддийский культовый центр Кара-тепе...», стр. 134. сл.

²² Маршак, ук. соч., стр. 59, 62 сл.

Изучение монетных находок в районе Термеза ²³ и собранных Р. Гёблем материалов из современного Афганистана позволяет утверждать, что на территории бывшей Бактрии в это время чеканятся монеты с надписью *roβozika* и тамгой в виде кружка с двумя

усиками вверху и одним внизу — , . Эту серию монет следует, по-видимому,

связывать с какой-то группой хионитов. К югу от Гиндукуша параллельно с этой серией монет и даже несколько ранее ее выпускаются монеты другой группы хионитов с над-

писью *αλχον* и тамгой в виде полумесяца на стойке с подставкой — . Примерно

тогда же (по Р. Гёблю, около 385 г.) начинается выпуск монет кидаритов, пытавшихся восстановить Кушанское царство. Ареал этих монет пока не совсем ясен. Однако отсутствие находок монет кидаритов на правобережье Амударьи заставляет полагать, что Северный Тохаристан им не подчинялся.

Конец 80-х — 90-е годы IV в. были, таким образом, временем значительного сокращения власти Сасанидов на Востоке и возникновения здесь ряда независимых государственных образований (в том числе, вероятно, и эфталитского княжества). Полувеком позже, ко времени восточных походов Ездигерда II, чекан монет серии *roβozika* и кидаритских монет прекращается, что отмечает, очевидно, успехи Ездигерда и воссоздание (если правильны определение и датировка В. Г. Лукониным сасанидо-кушанских монет Хормизда и Пероза) кушанского наместничества. Однако попали ли земли пра-

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сасаниды и Правобережная Бактрия

События	Возможные даты событий (гг. н. э.)		Вещественные свидетельства
	наиболее ранняя	наиболее поздняя	
Захват Термеза (и Правобережной Бактрии) Сасанидами	Около 265 г. (по В. Б. Хеннигу)	Около 370 г. (по В. Г. Луконину)	Среднеперсидские надписи из Кара-тепе
Термез (и Правобережная Бактрия) — владения сасанидского кушаншаха Варахрана (I)	350-е годы (по А. Д. Х. Бивару)	380-е годы (по В. Г. Луконину)	Монеты Варахрана (I) в слое захоронений на Кара-тепе; (<i>чортак</i> (?) под Термезом)
Потеря Термеза (и Правобережной Бактрии) Сасанидами	360-е годы (по А. Д. Х. Бивару)	Около 390 г.	Прекращение выпуска кушано-сасанидских монет; чекан на правобережье Амударьи хионитских монет серии <i>roβozika</i>
			с тамгой или
			(чекан кидаритских монет)
Завоевания Ездигерда II на Востоке (в том числе, возможно, Термеза и правобережья Амударьи)	440-е годы	450-е годы	Прекращение чекана монет серии <i>roβozika</i> (и кидаритских монет); выпуск сасанидо-кушанских монет Хормизда (по В. Г. Луконину, 450—457 гг.) и Пероза (по В. Г. Луконину, 457—459 гг.)

²³ См. В а й н б е р г, ук. соч., стр. 129—154.

вобережного Тохаристана в это время под власть Сасанидов — пока не ясно, тем более что сасанидо-кушанские монеты Хормизда и Пероза чеканятся не в Бактрии, а лишь в Мерве и Герате ²⁴.

Б. Я. Ставиский, Б. И. Вайнберг

THE SASSANIDS IN NORTHERN BACTRIA (TOKHARISTAN)
IN THE IV—V CENTURIES

by B. Ya. Stavisky and B. I. Vainberg

The article deals with the Sassanid conquests in Bactria. The history of these conquests is reconstructed from archaeological material found while excavating the Buddhist cult centre of ancient Termez (Kara-tepe) and from a series of coins (Kushano-Sassanian and Chionitian). The authors distinguish two stages of conquest: the 60's to the 80's of the III or IV century, and the 40's of the V century.

²⁴ Л у к о н и н, Культура сасанидского Ирана, стр. 138, 144, 151.